

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Я вышел на улицу... Воздух
Ударил порывом сырым.
То было в Касимове... Звёзды,
Мерцая, роились над ним.
У жёрдочной, шаткой ограды
Той зябкой апрельской порой
То влагой тянуло из сада,
То горькой вишнёвой корой.
А там, со своей верхотуры,
В сарайной глухой темноте
Клохтали и токали куры
О том, как тепло в тесноте!
И все эти запахи, звуки
Таились, но лишь... до поры.
Я помню, как дрогнули руки,
Коснувшись древесной коры,
Шершавой, прожилистой, клейкой,
Припахивающей медком...
Чернела сырая скамейка,

С краёв пообросшая мхом.
Лиловые гроздья сирени,
Клонясь, припадали к стене.
И двигались трепетно тени
От мокрой сирени ко мне.
— Эй, тени, я видел вас где-то! —
Метнулись они... и ушли.
И полосы лунного света
Меж ними и мной пролегли.
Казалось, что тени — нетленны...
И я замирал в тишине
В тот миг, когда эхо Вселенной,
Как обруч, катилось ко мне.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ

Когда прольются с небосвода
Луны холодные лучи,
Светясь, речные вспыхнут воды,
Искрясь, блеснёт роса в ночи.
И лунный свет зеленоватый,
Заоблачный и неземной,
От нас относит прочь куда-то
Вселенной отзвук потайной.
А тот, кто видел в свете этом
Реку́, луга, поля и лес,
Тот хоть на миг, но был... поэтом,
Счастливец дива и чудес.
Я тоже был им! Падал косо
Зелёный луч... Была видна
Не только зыбь речного плёса,
Но рябь ракушечного дна.
И майской ночью серебристой,
Отбросив сетчатую тень,
Мягка и млечно-шелковиста,
К нам льнула белая сирень.
Её пахучестью объятый,
Я клялся сдуру, сгоряча
В любви, конечно... Спешны клятвы
При свете лунного луча.
Зелёный луч, в оконце брызни!
И озари моё жильё,
Являя мне и прелесть жизни
И как бы... прозрачность её.

ТЕЧЁТ ОКА...

Михаилу Аникину

Течёт Ока... Вода сверкает
И пенится у берегов...
А свет небесный озаряет
Гряды лиловых облаков.
Как я люблю воды сверканье
В апрельских сумерках, когда
Небес вечернее мерцанье
Ещё сквозит в кристаллах льда!
Крутясь, толкаясь, блещут льдины,

Плывут, цепляя берега...
Влажны овражные ложбины.
Шагнёшь — и вязнет в них нога.
Но я — стою! Куда идти мне?!
Кругом сплошная непролазь.
Ах, то ли дело месяц зимний —
Февраль! Ему, ему дивясь,
Я шёл к реке... Она искрилась,
Замёрзшая... И вся в снегу.
Пыльца метельная светилась
На том и этом берегу.
И несмотря на лютый холод,
На затяжную в теле дрожь,
Я счастлив был! К тому же — молод!
Читатель, ты меня поймёшь,
Когда узнаешь, что родиться
Мне довелось на Оке...
Её вода, лучась, стремится
Отдать себя... другой реке,
Она вольётся в русло Волги,
Прильнёт, ласкаясь, к берегам,
Над коими легко и вольно
Парит крикливых чаек гам.
И, зыбкому внимая звуку
И ощущая дрожь ветвей,
Настроен я не на разлуку
С рекой... Прохладою овей,
Живая окская водица!
Тобой, плескучей, осветлится
Береговой песчаный свей...*
Ока, ответь мне поскорей:
Зачем река к реке струится,
Пытаясь слиться и сдружиться...
...Зачем не так всё у людей?!

* Свей — песчаные отмели, намывы песка причудливой формы рельефного вида.
У Есенина: “И меня по ветряному свею, // По тому ль песку, // Поведут с верёвкой
на шею // Полюбить тоску...”